

УДК 930. 1:94/99:980

С. Г. Божкова

НОВЫЕ РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СТРАН АМЕРИКИ XIX – НАЧАЛА XX В.: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Рассматриваются вопросы происхождения донесений российских дипломатических и консульских представителей в Рио-де-Жанейро как источников по истории испаноязычных стран Америки, их географическая локализация и периодизация, поскольку этот никогда ранее не исследовавшийся обширный пласт информации способен обогатить документальную базу мировой латиноамериканистики.

Российские дипломаты и консулы в Рио-де-Жанейро в 1812–1916 гг., источники по истории испаноязычных стран Америки

*Светлой памяти замечательного филолога-ибероамериканиста
Галины Кирилловны Неустроевой*

Дипломатически Россия вышла на Американский континент и закрепила на нем в двух географических пунктах – в Вашингтоне и Рио-де-Жанейро. В июне 1810 г. вручением верительных грамот посланником Ф. П. Паленом была завершена формальная процедура установления дипломатических отношений между Россией и США. А в июле 1812 г., замещенный в Вашингтоне другим дипломатом, он возглавил российскую миссию в бразильской столице, куда, спасаясь от наполеоновской интервенции в Португалию, переселился королевский двор Браганса.

Установление дипломатических отношений с США имело торгово-экономические причины. В 1832 г. был подписан российско-американский договор, закреплявший свободу торговли и мореплавания между двумя странами на основе принципа наибольшего благоприятствования и предусматривавший учреждение консульств в их главных торговых портах. Этот договор действовал до конца 1912 г.

Принципы, положенные в основу учреждения российской миссии в Рио-де-Жанейро, менялись. В 1812 г. это была естественная политическая акция, направленная против наполеоновской Франции, войска которой вторглись в Россию, и демарш в поддержку пострадавшего от действий Бонапарта португальского двора. Российская миссия оставалась в Рио-

де-Жанейро до апреля 1821 г., когда король Жуан VI по требованию португальских революционных кортесов отправился в Лиссабон. Впрочем, в бразильской столице и после ее ликвидации сохранялось основанное еще в 1811 г. российское генеральное консульство.

Установление дипломатических отношений России с Бразильской империей, провозгласившей свою независимость от метрополии в 1822 г., пришлось на октябрь 1828 г. Российско-бразильскому сближению в какой-то мере способствовали взаимные интересы в сфере торговли, но не они все же преобладали. Налицо были взаимные устремления политического характера. Петербург хотел поддержать идею монархии на южноамериканском субконтиненте, тем более, что республики и там, и вообще в Западной полушарии явно превалировали. С другой стороны, правительство Рио-де-Жанейро добивалось признания крупнейшей в мире Российской империи, рассчитывая упрочить положение бразильского государства, переживавшего в 20-х гг. XIX в. пору своего становления. Слабость российско-бразильских экономических связей проявилась, в частности, и в том, что разработанный в 1828 г. первым посланником России в Бразилии Ф. Ф. Борелем проект договора между двумя странами о дружбе, торговле и мореплавании [1, с. 273–293] не нашел поддержки петербургского правительства и, в частности, министра финансов Е. Ф. Канкрин, хотя последний позднее использовал ряд его положений при разработке упомянутого российско-американского договора 1832 г.

До 1885 г. Россия не имела дипломатических отношений ни с одной латиноамериканской страной кроме Бразилии. Между тем разнообразные попытки таких контактов имели место. Речь идет, например, об указе Николая I от 2 апреля 1829 г. о назначении российским консулом на Кубе Александра Людерта, о грамоте президента Республики Венесуэла Хосе Тадео Монгаса Александру II от 22 марта 1856 г. с предложением «открыть взаимные торговые дружественные сношения между обоими государствами», грамоте Александра II президенту Восточной Республики Уругвай Габриэлю Антонио Перейре от 10 декабря 1857 г. о признании его страны де-юре, об оформлении отношений России с Колумбией (тогда Гранадской конфедерацией) в 1858 г., о кратковременных (без учреждения представительств) дипломатических отношениях с Перу в 1873–1880 гг., о признании Россией Коста-Рики и Гондураса соответственно в 1872 и 1877 гг., а также о стабилизации связей с Гватемалой в 1880 г., наконец, о грамоте Александра III президенту Парагвая Бернардино Кабаллеро от 16 февраля 1883 г. с выражением готовности содействовать всему, что «может упрочить приязнь» между российскими подданными и Парагвайской республикой. Однако все это не привело ни к учреждению миссий этих стран в Петербурге, ни к появлению официальных представителей России в них самих, а значит, к получению оттуда в 20-х – начале 80-х гг. XIX в. какой-либо информации.

Только в бытность посланником в Бразилии А. С. Ионина в 1885 г. были установлены российско-аргентинские, а в 1887 г. российско-уругвайские дипломатические отношения, но местом постоянного пребывания посланника-совместителя продолжала оставаться бразильская столица. При преемниках Ионина с 1908 г. из нее же осуществлялись дипломатические отношения с Парагваем, а с 1911 г. – с Чили.

И все же одна латиноамериканская страна заполучила в свою столицу российскую миссию. Речь идет о Мексике, где она появилась с 1891 г., расширив, таким образом, дипломатическую географию России в Новом Свете. Правда, функционировала мексиканская миссия не постоянно, в ее деятельности возникали большие лакуны, частично восполнявшиеся информацией, поступавшей из все того же традиционного бразильского источника. Первый посланник в Мехико Р. Р. Розен, вручив верительные грамоты 1 (13) августа 1891 г., был вынужден из-за болезни дочери, плохо переносившей климат страны, покинуть свой пост уже в следующем году, хотя числился на нем до апреля 1895 г. А последний российский посланник в Мексике Г. А. Де-Воллан прервал свое пребывание там в связи с началом в 1910 г. знаменитой мексиканской революции, продолжавшейся до 1917 г. и прогремевшей на весь континент.

Итак, с 1812 по 1916 г., когда скончался посланник в Бразилии П. В. Максимов, все многоаспектные данные не только о Бразилии, но и обо всем огромном пространстве, простиравшемся к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, отслеживались, систематизировались и анализировались исключительно в миссии Рио-де-Жанейро. Следует отметить, что в отсутствие посланников и поверенных в делах петербургское правительство продолжали информировать или консульские служащие, или другие сотрудники миссии. Так было, например, в 1821–1829 гг., когда рапорты, в том числе политического характера, писал вице-консул П. П. Кильхен, заменявший генерального консула, академика Г. И. Лангсдорфа, который сначала организовывал русскую научную экспедицию в Бразилию, а затем руководил ею в центральных районах страны, или в 1889–1895 гг., пока покинувшего Бразилию ввиду провозглашения там республики А. С. Ионина не сменил новый посланник М. Н. Гирс.

Донесения из бразильской миссии как источник сведений об истории испаноязычных стран Америки – это огромный пласт документации, никогда не исследовавшийся в данном аспекте и способный серьезно пополнить источниковую базу о прошлом латиноамериканского региона на более чем вековом хронологическом пространстве. Следует учитывать, однако, что Рио-де-Жанейро расположен на юго-востоке атлантического побережья Южной Америки и что возможности находившихся в нем дипломатов для получения информации о других частях испаноязычного мира Западного полушария напрямую определялись их удаленностью от бразильской столицы.

Наиболее доступным для российских представителей в Рио-де-Жанейро было получение сведений из Монтевидео и Буэнос-Айреса. Оттуда часто приходили суда, доставлялись газеты, наконец, распространялись слухи, которые, однако, следовало неизменно проверять. С началом войны за независимость в Испанской Америке в 1810 г. королевское правительство Рио-де-Жанейро оказалось в непосредственной близости от фронта противостояния с уругвайскими республиканцами. Поскольку Испания, оккупированная наполеоновскими войсками и переживавшая свою первую революцию 1808–1814 гг., была неспособна дать отпор Х. Артигасу и его сторонникам, принц-регент Жуан (а с 1816 г. король Жуан VI) счел за лучшее распространить свое влияние на земли с центром в Монтевидео, а затем объявить их новой частью Бразилии. Посланники при португальском дворе Ф. П. Пален, П. Ф. Балк-Полев, Ф. В. Тейль-фан-Сероскеркен, поверенный в делах А. В. Сверчков, генеральный консул Г. И. Лангсдорф писали в Петербург о неудачной по-

пытке португало-бразильских войск в 1811 г. захватить территорию Восточного берега (Уругвая), войне там с повстанцами в 1816–1817 гг., влиянии этих событий на внутреннее положение Бразилии, в частности, республиканское восстание в Пернамбуку в 1817 г., а также об оккупации Монтевидео в 1819–1821 гг. и подготовке к включению уругвайских земель в состав Бразилии [2, с. 25, 33, 36–37, 42–43, 48].

Внимание вице-консула П. П. Кильхена неизменно было приковано все к тому же, ближайшему к бразильской столице, региону. В 1825 г. началась первая война между двумя независимыми южноамериканскими государствами: Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес оспаривали друг у друга Цислатинскую провинцию Бразилии с центром в Монтевидео. Дорогостоящая и кровопролитная война завершилась в 1828 г. образованием в угоду лондонскому правительству независимого Уругвая. Кильхен писал также и о более отдаленных от его местопребывания странах, очевидно, получая эти сведения в результате каких-то случайных обстоятельств. В одном из его рапортов речь шла, например, о решающем сражении войны за независимость в Южной Америке в декабре 1824 г., в котором испанцы были наголову разгромлены освободительной армией патриотов: «Боливар пересек огромное пространство, отделяющее Колумбию от Перу, и в битве при Аякучо нанес последний удар испанскому могуществу в Америке. Президент Колумбии, диктатор Перу... командующий победоносной армией – его власть, без всякого сомнения, огромна» [3, с. 254]. Вице-консул сообщал также о роли Парагвая во внешней политике Бразилии, перспективах бразильско-парагвайских отношений, о предпринятом в середине 1825 г. вторжении бразильских войск в Верхнее Перу, провозглашенное в августе того же года республикой Боливия [2, с. 52–53].

Лангсдорф, занятый в то время делами своей экспедиции, тем не менее следил за политическими баталиями на континенте. В апреле 1827 г. генеральный консул отправил министру иностранных дел К. В. Нессельроде копию конституции, которая была составлена Боливаром для Боливийской республики, а позже принята в Перу [3, с. 254]. Это «сочинение... прошедшее сухим путем всю Южную Америку», как замечал Лангсдорф, было получено им при посредничестве бразильского купца итальянского происхождения Ж. Анжелини, лично знавшего Боливара и участвовавшего в его перуанском походе. С торговым караваном Анжелини, отправлявшимся из Куябы в Рио-де-Жанейро, Лангсдорф в очередной раз отправил в бразильскую столицу материалы, собранные экспедицией [3, с. 254–255].

Франц Францевич Борель, прибывший на пост посланника в независимой Бразилии в ноябре 1829 г., сообщал уже о последствиях аргентино-бразильской войны 1825–1828 гг. [2, с. 65] и первым сумел наладить регулярное поступление информации из-за границ лаплатского региона, приобретя постоянного корреспондента в регионе андском. Узнавать о событиях и общей ситуации там было непросто. Сведения из андских стран доходили благодаря бывавшим в них западноевропейским морякам, но редко, нерегулярно и отличались фрагментарностью. Правда, Великая Колумбия и Перу имели дипломатические отношения с Бразилией и в Рио-де-Жанейро существовали их миссии, но там можно было получить лишь данные сугубо официального характера. Чаще наиболее свежие сведения об этих странах содержали английские газеты. Получить своего информатора на тихоокеанском побережье Южной Америки Борель смог еще в Париже, где разрабатывал проект упоминавшегося договора.

Во французской столице Борель познакомился с семейством Алье, глава которого рассказал, что его сын Ахилл, в прошлом судейский чиновник, находится в Лиме. За неимением другой оказии и зная, что дипломат отправляется в Бразилию, Алье-старший передал с ним для сына шкатулку. 14 (26) декабря 1829 г. Борель сообщил К. В. Нессельроде, что получил письмо из Лимы от француза Ахилла Алье, с которым рассчитывает установить регулярную переписку. К донесению были приложены упомянутое письмо от 25 октября 1829 г. о положении в Перу и перуано-колумбийских отношениях, а также копия мирного договора между двумя странами. 19 (31) декабря дипломат проинформировал Нессельроде, что, сопоставив сведения, полученные от Алье, с данными официального бразильского представителя в Лиме и рассказами побывавших там английских и французских морских офицеров, нашел их достоверными. Это донесение сопровождало запоздавшее письмо Алье Борелю от 4 сентября 1829 г.

В январе 1830 г. на одном американском судне Борель отправил А. Алье отцовскую шкатулку и просил посылать ему возможно более полные сведения о Перу и сопредельных странах. Надежда на получение от Алье данных экономического и политического характера, как, впрочем, и информации о возможности установить с андскими республиками торговые отношения, выражалась дипломатом в одном из донесений Нессельроде, помеченном 3 (15) апреля 1830 г. Между тем, ввиду крайней политической нестабильности в испаноязычном мире Нового Света Борель вскоре счел нужным предостеречь Петербург от каких-либо торговых контактов с ним, ибо счел их очень рискованными и способными принести лишь убытки [4, с. 153–155].

29 ноября (11 декабря) 1830 г. Борель выслал Нессельроде обстоятельные материалы, полученные от Алье. Среди них были две объемистые франкоязычные тетради, исписанные рукой его перуанского корреспондента. Одна включала «Заметки о политических событиях революции в бывших испанских колониях Америки» объемом 74 страницы, вторая – «Заметки о состоянии торговли и внутреннего управления новых республик» на 118 страницах. К тетрадям дипломат приложил деловую переписку Алье в Перу и письма последнего ему самому. Он сообщил министру, что Алье выражал желание вступить на русскую службу и рекомендовал его принять. К сожалению, ответа на эту просьбу не последовало.

Информация, присланная Алье, касалась и Мексики. Борель обращал внимание ведомства иностранных дел на сообщение своего лимского корреспондента о займе, предоставленном США Мексике под залог Калифорнии, Техаса и других ее земель. Расчленение Мексики реально, указывал дипломат, и оно угрожает калифорнийским владениям России, имея в виду селение-крепость Росс, откуда до его продажи в 1841 г. во владения Российско-американской компании регулярно доставлялось зерно [4, с. 180]. Борель, основывавшийся на сообщениях Алье, оказался совершенно прав. Восемнадцать лет спустя, в результате американо-мексиканской войны 1846–1848 гг., завершившейся 2 февраля подписанием, а 30 мая 1848 г. вступлением в силу договора Гуадалупе – Идальго, Мексика лишилась 2,3 миллионов квадратных километров своей территории, т. е. ее 55 процентов.

В декабре 1831 г. Ф. Ф. Борель скончался в Рио-де-Жанейро, и российскую миссию возглавил ее первый секретарь, а позднее поверенный в делах Аполлон Петрович Мальтиц. Он пошел по стопам своего отца П. Ф. Мальтица, потомка немецких баронов из Мейсона, российского посланника в Лиссабоне в 1800–1801 гг., а затем в той же должности в Штутгарте и Карлсруэ, где опекал юношу-сына, продолжавшего далее свою карьеру в Берлине, Варшаве и Вене. Старший брат Аполлона Франц служил в российских миссиях в Вашингтоне и Берлине, а в 1837–1853 гг. был посланником России в Нидерландах. Однако отца и сыновей сближала не только служба. Все они внесли немалый вклад в литературу. Петр Федорович являлся автором вольного перевода комедии французского драматурга Алексиса Пирона (1689–1773) «Страсть к стихотворству», имевшей большой успех в Петербурге в начале 80-х гг. XVIII в., Франц в 1817 г. завершил неоконченную трагедию Ф. Шиллера «Дмитрий» по мотивам русской истории, а Аполлон стал известным в свое время и весьма плодовитым немецкоязычным поэтом. Братья общались с В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, академик С. П. Шевырев переводил стихи А. П. Мальтица на русский язык. Аполлон был другом и свояком великого Федора Тютчева (поэты были женаты на сестрах), переводил его стихи на немецкий язык, познакомив с ними Западную Европу. Есть весьма основательное предположение, что когда в 1870 г. Аполлон Петрович скончался, Тютчев посвятил его вдове Клотильде фон Ботмер, к которой был неравдушен в молодости, всемирно известное лирическое стихотворение, предпослав ему инициалы «К. Б.»:

«Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило...».

Прослужив в Рио-де-Жанейро более полутора лет под руководством крупнейшего тогда знатока мира лузофонов и в целом Латинской Америки Ф. Ф. Бореля, А. П. Мальтиц стал его достойным преемником [5, с. 7–8]. Он, как и Борель, прикладывал всевозможные усилия, чтобы получить информацию о ситуации за пределами Бразилии, но корреспондента, подобного Алье, у него не было. Думается, что Алье, послав Борелю свои полные важных наблюдений тетради, рассчитывал на то, что будет принят на русскую службу, но, как упоминалось, не удостоился этого, а вскоре последовала кончина самого посланника, и уже налаженная связь между бразильской и перуанской столицами прекратилась.

Сведения о странах бывшей Испанской Америки Мальтиц получал благодаря своим неформальным дипломатическим контактам. Так, он был хорошо знаком с главой австрийской миссии Дайзером. Прежде всего их сблизила политика Вены и Петербурга в Бразилии. После отречения от престола императора Педру I в апреле 1831 г. в пользу своего малолетнего сына Педру II страной управляло регентство. Мальчик-император был сыном покойной Марии Леопольдины Жозефины Каролины, дочери австрийского императора Франца I. Естественно, Вена проявляла повышенный интерес к внуку своего монарха, а петербургское правительство ее в этом полностью поддерживало. Не последнюю роль в отношениях Мальтица и Дайзера играли родной немецкий язык первого и его знание венской жизни.

Дайзер разрешил австрийскому генеральному консулу в Рио-де-Жанейро передать Мальтицу свои «Заметки о бывших испанских провинциях в Южной Америке». Ситуация там описывалась как катастрофическая: анархия, ожесточенная борьба между сторонни-

ками разных политических клик, обнищание населения, традиционное презрение испанских креолов к труду, ранее бывшему уделом индейцев, которые в то время были склонны лишь к войне, упадок главного богатства – серебряных рудников, дефицит и дороговизна ртути, необходимой для добычи серебра, размах контрабандной торговли и т. п. Автор приводил также данные о ввозе в регион и вывозе из него [6].

Другой миссией, с которой Мальтиц поддерживал тесные отношения, была французская. Они установились, когда ее возглавлял поверенный в делах Э. Понтуа и укрепились с прибытием его преемника посланника Алексиса де Сен-При. Последний имел русские корни и хорошо говорил по-русски. Его родителями были французский эмигрант граф Шарль де Сен-При и представительница знатного российского рода княжна Софья Алексеевна Голицына [5, с. 8–9]. В 1834 г. Алексис посетил Буэнос-Айрес, где тамошний французский консул не только подробно рассказывал ему о положении в этой стране, но сообщил также некоторые сведения о Парагвае и Перу. По возвращении в бразильскую столицу А. де Сен-При составил два донесения о своей поездке министру иностранных дел Франции герцогу де Брольи, а копии их передал Мальтицу [7]. Двадцатидевятилетний французский посланник обладал легким, можно сказать, даже блестящим пером, так что глава российской миссии получил очень интересные тексты.

Об их информативности, яркости и литературных достоинствах говорит характеристика, данная А. де Сен-При центральному политическому персонажу аргентинской истории второй трети XIX в. Хуану Мануэлю Росасу и его семье. В 1829–1832 гг. Росас был губернатором провинции Буэнос-Айрес, в 1832–1835 гг. – главнокомандующим ее вооруженными силами, а в 1835–1852 гг. – фактически диктатором всей страны: «Это человек действия, без культуры, без генеральных идей, но отважный и хитрый, человек, обладающий здравым смыслом и идущий прямо к цели, очень опытный в обращении с людьми своей нации, созданный добиться верховной власти, но еще более – быть свергнутым. Нести бремя его авторитета Росасу помогает вся семья – его мать, сестры, жена – истинные амазонки. Они всегда верхом, всегда среди сельчан-пастухов, укротителей бизонов. Они делят с ними их повседневный труд, говорят на их языке. А госпожа Росас, жена генерала – нечто вроде политической колдуньи. Ее называют донна Энкарнасьон [Воплощение – С. Б.]. Она не стремится блистать, а хочет лишь царить» [5, с. 9]. Через восемнадцать лет предсказание А. де Сен-При в отношении аргентинского диктатора оправдалось: он был свергнут.

В августе 1835 г. в руках Мальтица оказалась записка, посвященная Перу и принадлежавшая атташе французской миссии, «талантливому и рассудительному молодому человеку», недавно побывавшему в этой андской стране, г-ну Сартиже [8]. Она давала краткое, но разностороннее представление о Перу: границы, ландшафт, отрасли хозяйства, этнический состав населения, государственное устройство, судебная власть, армия, состояние образования, религия, импорт, доходы, политическая борьба в 1834–1835 гг.

Между тем в марте 1836 г. у Мальтица появился еще один источник информации об испаноязычных странах континента, уже не связанный, как прежде, с его дипломатическим окружением. В Рио-де-Жанейро из Буэнос-Айреса прибыл русский путешественник и географ Платон Александрович Чихачев (1812–1892). Он происходил из старинного

русского дворянского рода, представитель которого Петр Чихачев отличился еще в Ливонской войне. Платон, как и его старший брат, Петр Александрович, впоследствии крупный ученый, геолог и географ, родился в Гатчине, в большом Гатчинском дворце – летней резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны. А управлял этим дворцом, как и всем городом, их отец Александр Петрович Чихачев. Мать Платона и Александра, Анна Федоровна, урожденная Бестужева-Рюмина, была женщиной высокой культуры, уделявшей пристальное внимание воспитанию и образованию своих сыновей. Декабрист Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, казненный в 1826 г., приходился ей двоюродным братом. Семья Чихачевых имела солидное состояние (ей принадлежали поместья в Тамбовской и Саратовской губерниях) и смогла обеспечить братьям превосходное домашнее образование, сначала в Гатчине, а затем – в Царском Селе, где с ними занимались преподаватели знаменитого Лицея.

Карьера Пл. А. Чихачева сначала была связана с военной службой. В 1828–1829 гг. он, еще юношей, участвовал в русско-турецкой войне, был произведен в офицеры, а в 1830–1831 гг. – в польской кампании. Однако в 1833 г. П. А. Чихачев вышел в отставку и, увлеченный примером и сочинениями А. Гумбольдта, путешествовавшего в конце XVIII – начале XIX в. по Америке, решил сам изучить Новый Свет.

Это была, разумеется, не государственная экспедиция, которой руководил в Бразилии в 1822–1829 гг. Г. И. Лангсдорф, а путешествие широко образованного частного лица, предпринятое им на свои средства. Маршрут Чихачева был не только смелым и оригинальным, но и потребовавшим от него незаурядной физической силы и выносливости: Нью-Йорк – Веракрус – Акапулько – Гуаякиль – Кито – снова Гуаякиль – Кальяо – Вальпараисо – Сант-Яго – Буэнос-Айрес. На попутных судах была пройдена лишь малая часть этого огромного расстояния. В основном Чихачев передвигался верхом, причем в весьма высоком темпе, преодолев в короткий срок казавшуюся бескрайней аргентинскую пампу. В дороге он вел дневниковые записи, на основании которых рассказывал Мальтицу о ситуации в испаноязычных республиках Америки, а последний изложил услышанное в обширном донесении К. В. Нессельроде [9].

Оно содержит подробную характеристику положения в Мексике, Гватемале, в Великой Колумбии, в которую после провозглашения независимости входили Эквадор, Новая Гранада и Венесуэла, а также в Перу, Боливии, Чили, Аргентине, Парагвае, Уругвае. Есть в нем и общая оценка ситуации в бывшей Испанской Америке. В конце 1838 г. в Париже у Пл. А. Чихачева похитили большую часть его рукописного архива, в том числе полевой дневник, поэтому донесение Мальтица, составленное со слов путешественника, представляет особую ценность.

В 1844 г. Чихачев опубликовал очерк «Поездка через Буэнос-Айресские пампы» [10, с. 1–72], посвященный своему американскому путешествию, причем не только по Аргентине, как следует из заголовка, а вообще по Новому Свету (см., например, раздел «Эпизод»). Упомянутый очерк даже отдаленно не напоминает текст донесения Мальтица. В первом случае – это эмоциональные воспоминания о виденном в пути (пейзажи, описание происшествий в дороге, зарисовки портретов местных жителей, их материальной культуры, нравов, обычаев и т. п.), во втором – аналитическая записка, содержащая кон-

кретные факты, в том числе цифрового характера, и попытки их обобщения. Между тем ничего удивительного в этой разнице нет: ведь между похищением дневника и публикацией очерка прошло целых шесть лет.

Можно было бы привести и другие разнообразные примеры, касающиеся информации об испаноязычных странах Латинской Америки, которая содержится в донесениях российских официальных представителей в Рио-де-Жанейро.

В основу периодизации документов рассматриваемого обширного пласта источников может быть положен как принцип их содержания, так и сочетание разных принципов, ибо этот теоретический вопрос целиком зависит от источниковеда-исследователя. Второй подход представляется предпочтительнее. Конечно, важно помимо содержательной составляющей учитывать дипломатический статус авторов донесений, социально-экономические процессы, протекавшие в странах-партнерах, эволюцию их торговых отношений, менявшуюся международную политическую ситуацию и т. п.

Первый период интересующих нас источников охватывает период с 1812 по 1848 г. Начальная дата определяется прибытием первого российского посланника при португальском дворе в Рио-де-Жанейро, вторая – крахом венской системы международных отношений с началом европейских революций 1848–1849 гг. и урегулированием торговых отношений между Россией и Бразилией.

Предыстория упомянутого урегулирования такова. В 1844 г. истек срок действия последнего по времени англо-бразильского договора (первый был подписан в августе 1827 г.), и пришедшее к власти в Бразилии либеральное правительство стало придерживаться протекционистской таможенной политики. Большинство товаров облагалось теперь удвоенной, 30-процентной пошлиной. Поддерживая национальных коммерсантов, либералы стремились ослабить английское влияние в стране. В 1845 г. о таможенных нововведениях было объявлено и в России: пошлины на товары, ввозимые из государств, не предоставивших русским товарам и судам условий наибольшего благоприятствования, увеличивались на 50 процентов. Были предприняты шаги, направленные на урегулирование торговых отношений между Россией и Бразилией. Переговоры в Рио-де-Жанейро вел сменивший Мальтица посланник С. Г. Ломоносов. 22 сентября 1846 г., 7 июля и 16 октября 1847 г. бразильское правительство направило в Петербург ноты, в которых сообщалось об установлении равноправных торговых отношений, в частности корабельных сборов, а также ввозных и вывозных пошлин.

Период 1812–1848 гг., в свою очередь, может быть разделен на три подпериода: 1812–1821 гг., время функционирования российской миссии при португальском дворе в Рио-де-Жанейро; 1821–1829 гг., время, когда петербургское правительство информировало о ситуации за пределами Бразилии консульские представители России и 1829–1848 гг., время работы российской дипломатической миссии в Бразильской империи.

Хронологическое пространство второго периода имперской истории Бразилии ограничено 1848–1889 гг. Вторая из этих дат связана с провозглашением в стране республиканского строя. Между тем и упомянутый период обнаруживает внутренний рубеж, несомненно делящий его на два подпериода. Речь идет о 60-х гг. XIX в. Начало глубоких реформ, ознаменовавшихся отменой крепостного права, и первые шаги на пути становления

гражданского общества в России совпали с активизацией аболиционистского движения в Бразилии и Парагвайской войной (1864–1870), что в итоге привело к отмене там рабства в 1888 г. Параллельно, в 60-е гг. с инициативой развития торговли с Россией выступили бразильские коммерсанты. Причем возродилась поддержанная тогда уже купцами Рио-де-Жанейро мысль Ф. Ф. Бореля о создании в столице страны на постоянной основе склада русских товаров.

Наконец, третий период, связанный с появлением интересующих нас источников, начинается с 1889 г. и заканчивается в 1916 г., когда, как уже упоминалось, в бразильской столице умер глава российской миссии П. В. Максимов, и она прекратила свою деятельность.

Исследование обширного пласта информации об испаноязычных странах Америки, содержащейся в донесениях (а также приложениях к ним) российских дипломатических и консульских представителей в Рио-де-Жанейро в 1812–1916 гг., потребует еще много усилий эвристического, аналитического и синтетического характера, но, несомненно, существенно обогатит источниковую базу мировой латиноамериканистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров Б. Н., Божкова С. Г. Проект русско-бразильского договора о дружбе, торговле и мореплавании 1828 г. // В мире лузофонии. Материалы и статьи / Под ред. проф. Б. Н. Комиссарова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
2. Комиссаров Б. Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
3. Комиссаров Б. Н. Симон Боливар в русской общественной мысли XIX – начала XX вв. // Симон Боливар: история и современность. М.: ИЛА РАН, 1985.
4. Комиссаров Б. Н., Божкова С. Г. Первый российский посланник в Бразилии Ф. Ф. Борель. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
5. Божкова С. Г. Продолжение традиций российской дипломатической и консульской службы в Бразилии в первой половине 30-х годов XIX века // Информация, коммуникация, общество. Материалы VIII Всерос. науч. конф. 27–28 января 2011 г. СПб., 2011.
6. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1833. № 185. Л. 7–14 об.
7. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1834. № 184. Л. 137–152 об.
8. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1835. № 208. Л. 219–221.
9. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1836. № 178. Л. 183–197.
10. Отечественные записки. 1844. Т. XXXIV. Разд. II. Науки и искусства.

S. G. Bozhkova

NEW RUSSIAN SOURCES IN THE HISTORY OF THE SPANISH-SPEAKING COUNTRIES OF AMERICA OF THE XIX-TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XX TH CENTURY, THEIR ORIGIN, GEOGRAPHICAL LOCALIZATION AND DIVISION INTO PERIODS

The sources in the history of the Spanish-speaking countries of America containing in the reports of the Russian diplomatic and consular representatives in Rio de Janeiro, the only centre of their service to the from Rio Grande del Norte during almost the whole of the XIX-th century – never before explored the vast layer of information which is able to enrich considerably the documentary basis of the world study of Latin America. The article examines the questions concerning the origin of these sources, their geographical localization and division into periods.

Russian diplomats and consuls in Rio de Janeiro in 1812–1916, the sources in the history of the Spanish-speaking countries of America